

АСИММЕТРИЧНАЯ МОДЕЛЬ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

© ФЕНЕНКО А.В., 2021

ФЕНЕНКО Алексей Валериевич, доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, РФ, 119991 Москва, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51 (alfenenko@yandex.ru), ORCID: 0000-0003-0493-2596.

Фененко А.В. Асимметричная модель ядерного сдерживания. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2021, № 3, сс. 13-29. DOI: 10.20542/afij-2021-3-13-29

DOI: 10.20542/afij-2021-3-13-29

УДК: 327.37

Статья поступила в редакцию 01.07.2021.

Статья принята редакцией 14.07.2021.

Статья посвящена изучению асимметричной модели ядерного сдерживания. В самом общем смысле под асимметрией в политической науке понимается неравенство игроков по совокупности ресурсов и возможностей. Ядерное оружие теоретически может выступать как фактор, позволяющий более слабому субъекту блокировать превосходство в ресурсах более сильного субъекта. Автор видит свою задачу в том, чтобы проанализировать различные модели ассиметричного сдерживания (англосаксонскую, советскую, российскую, французскую, китайскую) и выделить на этой основе основные компоненты формирующейся теории асимметричного сдерживания.

Автор приходит к выводу, что в настоящее время асимметричной стратегии ядерного сдерживания нет: существуют только отдельные ее компоненты. Такая ситуация вызвана во многом двумя причинами. Первая: в международном взаимодействии пока отсутствуют державы-ревизионисты, нацеленные на слом мирового порядка. Вторая: концепции ядерных держав пока ориентированы на модель оборонительного сдерживания. Модель наступательного сдерживания, направленная на принуждение противника к совершению каких-либо действий, пока находится в процессе разработки. Зато такая модель может в будущем стать основой для политики государств-ревизионистов, нацеленных на ликвидацию существующего мирового порядка.

Ключевые слова: ядерное сдерживание, ядерное оружие, стратегическая стабильность, асимметрия, асимметричное сдерживание, гибкое реагирование, США, Россия, Британия, Франция, КНР.

Дискуссии по проблемам “асимметрии” выступают одним из наиболее острых (и вместе с тем наиболее перспективных) направлений в теории ядерного сдерживания [1; 2]. В самом общем смысле под асимметрией в этой теории исследователи понимают неравенство сил субъектов ядерного сдерживания [3], резкую диспропорцию по количеству ядерных боезарядов, носителей и обеспечивающей их инфраструктуры. Возникает две новые теоретические проблемы в развитии теории ядерного сдерживания, имеющие потенциально большую практическую значимость: 1) может ли более слабый игрок сдерживать более сильного, несмотря на диспропорцию в количестве вооружений; 2) может ли более сильный игрок парировать действия более слабого, то есть нивелировать его асимметричную стратегию.

ТЕОРИЯ АСИММЕТРИЧНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

Теория ядерного сдерживания (далее – ЯС) зародилась в англосаксонской стратегической культуре, для которой характерно разделение категорий “безопасности” (*security*) и “обороны” (*defense*) [4]. Ядерное сдерживание (*nuclear deterrence*) выступает в самом общем смысле как политика превентивных угроз с целью предотвратить совершение оппонентом каких-либо действий. Такая культурная привязка обусловила специфику теории ядерного сдерживания. Превосходство США по совокупности ресурсов, сохранявшееся на протяжении всего периода холодной войны, предполагает наличие двух типов ЯС: симметричное (сдерживание примерно равного противника) и несимметричное (сдерживание заведомо более слабого противника). Теория асимметричного сдерживания как сдерживания слабой страной более сильной пока находится в стадии зарождения.

Российский эксперт в области ядерного сдерживания А.Г. Арбатов предложил выделить два типа ЯС: имманентное и квалифицированное [5, сс. 3-15]. В первом случае речь идет о политико-психологическом эффекте осторожности, которое ядерное оружие способно порождать самим фактом своего наличия. Во втором – о достаточной вероятности выполнения ядерными силами конкретно поставленных задач при любых обстоятельствах начала войны. Квалифицированное сдерживание строится на способности гарантированно нанести противнику заданный ущерб. Имманентное, напротив, основано на том, что само обладание ядерным оружием (ЯО) заставляет оппонента быть осмотрительным в отношении стороны, которая данным средством располагает.

Соблазн отождествить имманентное сдерживание с асимметричным, а квалифицированное с симметричным, безусловно, есть. Однако существует как минимум пять различий, которые делают понятие асимметричного сдерживания более широким, чем имманентная угроза противнику самим фактом наличия ЯО.

Во-первых, в структуре ядерного сдерживания пока происходит преобладание угроз над опытом их реализации [6]. Ядерное оружие, строго говоря, еще не состоялось как оружие: после нанесения американцами атомных ударов по Хиросиме и Нагасаки в 1945 г. в мире не было случаев его применения. Использование ЯО против японских городов было скорее политической демонстрацией, чем отработкой реальных военных возможностей. Мы не видели применения ЯО в боевой обстановке и не можем оценить результаты его использования: количество реально пораженных целей и степень их разрушения, воздействие на вооруженные силы противника и эффективность мер защиты, предпринятых им.

Во-вторых, оба типа ядерного сдерживания требуют рационализма игроков. Под рационализмом следует понимать не просто наличие интересов: задача развязать войну и уничтожить существующий мировой порядок тоже может иметь вполне целесообразные основы. В данном случае рационализм – это готовность субъекта играть по существующим правилам и ограничивать собственные амбиции ради сохранения существующего мирового порядка. Теория ядерного сдерживания “написана” под определенный тип игроков, которые:

- системны (готовы играть по установленным правилам);
- деидеологизированы (не готовы начинать войну ради абстрактных идеологических установок);
- меркантильны (рассматривают рациональный выбор как получение материальных благ в краткосрочной перспективе);
- миролюбивы (не склонны прибегать к прямому использованию силы как средству решения своих проблем).

Такие игроки расположены к признанию наличия над собой арбитра, способного гарантировать незыблемость существующих правил игры и разрешать возникшие споры. Иначе говоря, они обладают ограниченными амбициями и не готовы ради их реализации жертвовать материальными благами. Однако при изменении качества политических

элит может трансформироваться и само понятие рационализма игроков, подобно тому, как идеализированные внесистемные элиты ряда великих держав первой половины XX в. кардинально отличались от системных аристократических элит XIX в. В таком контексте особую роль играют только зарождающиеся исследования о мистическом компоненте в идеологии германского нацизма¹ или мировоззрении японских самураев. В них высказываются две важные для теории ядерного сдерживания идеи: 1) на игроков с нерациональной идеологией невозможно воздействовать рационально; 2) мотивы действия подобных игроков могут быть непонятны рационально мыслящим игрокам.

В-третьих, субъекты ядерного сдерживания не должны рассматривать войну как лучшую альтернативу политике превентивных угроз. Одна из сторон может допускать решение проблемы военным путем и считать приемлемой для себя некую форму ущерба как плату за достижение победы [8]. Такой вариант делает проведение политики ядерного сдерживания невозможным, поскольку у нее появляются как минимум три силовые альтернативы:

- принудительное разоружение более слабого субъекта;
- нанесение более слабым субъектом локального военного поражения более сильному субъекту;
- ведение ограниченного военного конфликта между ядерными державами без применения ЯО.

Обсуждение этих сценариев пока находится за пределами теории ядерного сдерживания. Но опыт мировых войн и локальных конфликтов первой половины XX в. доказывает, что они вполне могут стать реальностью. Первая мировая война была конфликтом с ограниченным использованием химического оружия (ХО). В ходе локальных войн 1930-х годов в Испании, Китае, Монголии великие державы вели прямые военные действия друг с другом, не применяя ХО и не разрывая дипломатических отношений. В ходе Второй мировой войны стороны также вели военные действия, не прибегая к использованию ХО. Опыт этой войны, кстати, позволяет усомниться в одном из центральных положений теории ядерного сдерживания, согласно которому любое государство обязательно использует ЯО при угрозе полного военного разгрома [9]. Возможно ли в будущем похожее отношение политических элит к ядерному оружию – вопрос дискуссионный, хотя отвергать полностью такую альтернативу нельзя [10, сс. 114-117].

В-четвертых, угрозы со стороны субъектов ядерного сдерживания должны носить реалистичный характер [11, сс. 114-117]. В американской терминологии это называется “кредитоспособность” (*credibility*): способность превентивных угроз приносить реальный дивиденд их автору. Если противник не воспринимает угрозы как реалистичные, то, соответственно, на него не будет влиять ни имманентное, ни квалифицированное сдерживание. На это обстоятельство обратил внимание современный американский специалист в области ядерного сдерживания Патрик Морган: вся совокупная мощь Европы не остановила ни императора Вильгельма II, ни Гитлера, ни Муссолини. Последних двух не остановило и наличие у их противников больших запасов химического оружия [12, с. 34]. Поэтому любое сдерживание – как имманентное, так и квалифицированное – неизбежно ставит проблему демонстрации субъектами готовности применить ЯО [13].

Только совокупность этих условий делает возможным появление философии асимметричного сдерживания. Отсутствие хотя бы одного из перечисленных компонентов превратит его в пограничный вариант между сдерживанием и применением силы.

¹ «Гиммлеру было поручено организовать СС не как охранно-политическое учреждение, а как подлинный религиозный орден с иерархией степеней, начиная снизу, от “светских братьев”, – отмечали, например, французские журналисты Ж. Бержье и Л. Повель в своем интересном эссе о нацизме. – работы Аненербе... могут рассматриваться как теологическая часть учения, а Черный Орден – как мистический аспект религии Властителей Фуле» [7, с. 22]. Будет ли подобный игрок верить в возможность ядерного оружия нанести неприемлемый ущерб, и что в его представлении является “неприемлемым ущербом” – вопрос дискуссионный.

АНГЛОСАКСОНСКАЯ МОДЕЛЬ АСИММЕТРИЧНОСТИ

За 76 лет, прошедшие после первого и единственного применения ЯО в 1945 г., ядерные державы выработали несколько моделей асимметричного ЯС. Однако все они не выходили за рамки традиционной модели сдерживания. Элементы асимметричности содержались уже в классической (англосаксонской) теории ЯС. Изначальным вариантом асимметрии была теория компенсаторики: блокировки превосходства СССР в обычных вооруженных силах. Ядерное оружие рассматривалось не только как средство сдерживания, но и как средство компенсировать советское превосходство на отдельных театрах военных действий (ТВД), то есть выправить сложившуюся асимметрию.

Пионером в разработке идеи “ядерной асимметрии” выступила **Великобритания**. В этой стране была впервые разработана теория и практика применения тактического ядерного оружия. Еще на рубеже 1945–1946 гг. британские военные стратеги задумались над тем, можно ли заменить мощную сухопутную армию ЯО [14, с. 34]. Предполагалось, что оно способно заменить крупные сухопутные вооруженные силы при более низких финансовых затратах на их поддержание по сравнению с затратами на содержание обычных вооружений. К 1952 г. (еще до создания своего ЯО) ядерная политика Соединенного Королевства уже выделяла три типа ядерных ударов: 1) демонстрационный (демонстрация готовности применить ЯО в случае продолжения войны); 2) оперативно-тактический (поражение объектов противника в ближайшем стратегическом тылу); 3) оборонительный (уничтожение группировок вооруженных сил противника на ТВД). Однако уже с 1953 г. Великобритания переключилась на взаимодействия в ядерной сфере с США, отказавшись от оригинальных разработок в области теории сдерживания.

Для **США** проблематика асимметричного сдерживания была актуальна как средство заблокировать превосходство в обычных вооружениях со стороны противника (СССР и КНР). Теория компенсации советской военной мощи была одобрена президентом Дуайтом Эйзенхауэром в ходе его консультаций с премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем в 1953 г., то есть сформировалась во многом под влиянием британского опыта. В США эта доктрина получала публицистическое название “новый взгляд” (*new look*)². В докладе Совета национальной безопасности (СНБ) США от 8 августа 1953 г. утверждалось: ядерная составляющая вооруженных США обходится бюджету дешевле, чем содержание обычных вооруженных сил, и Вашингтону нет необходимости добиваться паритета с СССР по конвенциональным вооружениям.

Для становления теории применения ТЯО [16, pp. 37-60] важное значение имела вышедшая в 1953 г. работа Ральфа Лэппа “Новая сила. Об атомах и людях”, где автор обосновал возможность использования тактического ядерного оружия на ограниченном ТВД против обычных вооруженных сил. Республиканская администрация Д. Эйзенхауэра разработала концепцию упомянутого “нового взгляда” в 1954 г. Она предусматривала размещение американского ТЯО в Европе для компенсации превосходства СССР в обычных вооруженных силах и подтверждения надежности гарантий безопасности европейским членам НАТО со стороны США. В декабре 1957 г. сессия Совета НАТО санкционировала размещение американского ТЯО на территории европейских стран альянса (хотя по факту американские атомные артсистемы стали появляться в ФРГ с осени 1953 г.).

Для обеспечения действия обеих концепций (массированного возмездия и “нового взгляда”) администрация Эйзенхауэра разделила понятия стратегическое и тактическое ядерное оружие. Первое было отнесено к категории политики безопасности: оно стало материально-техническим инструментом для реализации комплекса мер по предотвращению агрессии посредством устрашения. Второе – к категории обороны: в

² Этот термин 14 декабря 1953 г. употребил председатель Объединенного комитета начальника штабов (ОКНШ) США адмирал Артур Рэдфорд в своем выступлении в Национальном клубе печати в Вашингтоне, характеризуя первый проект военного бюджета, подготовленного новой администрацией (на 1955 фин. г.). Поскольку адмирал выступал перед представителями прессы, он использовал жаргонное выражение, связанное с новым стилем женской одежды *New Look* (“новый образ” в терминах индустрии моды), предложенным Кристианом Диором в 1947 г. [15]. Однако в отечественной литературе закрепился его другой перевод – новый взгляд, то есть “новый взгляд” на роль ядерного оружия.

американских стратегических концепциях тактическое ядерное оружие рассматривалось как инструмент для ведения военных действий на передовой в случае начала конфликта.

Тактическое ядерное оружие выступало как средство асимметричного сдерживания противника, обладающего превосходством в конвенциональных вооружениях.

Создание в СССР во второй половине 1950-х годов средств доставки ЯО вызывало беспокойство американских экспертов: возникал вопрос, насколько надежны гарантии безопасности, данные США союзникам [13, pp. 8-12].

Преодоление стратегического кризиса, по мнению американцев, могло быть достигнуто путем повышения реалистичности (кредитоспособности) ядерного сдерживания. Эти идеи легли в основу концепции "гибкого реагирования" (*flexible response*). Ее автором принято считать министра обороны США Роберта Макнамару (1961–1968), который попытался придать практический характер разработкам директора Гудзоновского института Германа Кана и профессора Гарварда (и будущего видного политического деятеля) Генри Киссинджера, предложив принцип соразмерности военного ответа США характеру угрозы. Такую позицию можно было использовать в качестве рычага воздействия, чтобы убедить СССР в невозможности изменить в свою пользу статус-кво в Европе и Восточной Азии. Вместе с тем концепция гибкого реагирования не могла гарантировать, что противник будет играть по правилам контролируемой эскалации, а не предпримет комплекс ответных и непрогнозируемых мер, например, превратив эскалацию в неконтролируемую.

Концепция гибкого реагирования должна была усилить оборонительный потенциал ядерного сдерживания, убедить противника в действенности (*credibility*) ядерной угрозы. В ее рамках стратегические ядерные силы (СЯС) США были переориентированы на нанесение разоружающих ударов по пусковым установкам, а не городам противника. Это предусматривалось "концепцией контрсилы" (*counter force strategy*). Следующей целью для нанесения ограниченных ударов планировались объекты промышленности и инфраструктуры, связанные с ведением войны (нефтяные предприятия, транспортные пути, железнодорожные узлы, системы связи). Другие объекты (угольные производства, электростанции), а также города, можно было не разрушать [17]. Это гипотетически позволяло сделать войну ограниченной, давая противнику шанс осознать положение и пойти на примирение после первого обмена ударами.

Идея асимметрии была представлена и в знаменитом "Меморандуме Нитце", разработанном группой экспертов под руководством видного американского политолога и заместителя министра обороны Пола Нитце в конце 1976 г.³ Документ констатировал растущее превосходство советских СЯС, которое создавало для США "окно уязвимости" (*window of vulnerability*). Для закрытия "окна уязвимости" группа Нитце советовала предпринять ряд контрмер:

- сделать приоритетом на переговорах с Советским Союзом проблему сокращения межконтинентальных баллистических ракет (МБР) с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН) ("тяжелых МБР") как дестабилизирующего вида вооружений;
- увеличить контрсилу потенциал американских баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) и тяжелых бомбардировщиков (ТБ);
- повысить точность попадания ядерных боезарядов и их способность поражать высокозащищенные цели;
- увеличить парк крылатых ракет в неядерном оснащении, несущих лазерные, инфракрасные и телевизионные системы наведения на цели.

Концепция стратегической стабильности стала последней на сегодняшний день реализации идей асимметрии в США. Начиная с середины 1970-х годов Соединенные

³ *Intelligence Community Experiment in Competitive Analysis- Soviet Strategic Objectives: Report of Team "B"*. The National Security Archive. The George Washington University. Available: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB139/nitze10.pdf> (accessed 26.05.2021).

Штаты отказались от идеи асимметрии, сделав ставку на достижение своего превосходства. Асимметричное сдерживание осталось, таким образом, за пределами англосаксонской теории ядерного сдерживания, заняв узкий сегмент компенсаторики.

СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ АСИММЕТРИЧНОСТИ

Более актуальными теории асимметричного сдерживания были для **Советского Союза**. На официальном уровне в СССР понятие “ядерное сдерживание” не использовалось: оно критиковалось как “буржуазная концепция”. Однако у советского руководства были объективные причины для средств компенсации, то есть асимметричного ответа ввиду преобладания США в количестве ядерных боезарядов и их носителей на протяжении всего периода холодной войны. Даже после достижения стратегического паритета с Соединенными Штатами в начале 1970-х годов у Вашингтона всегда были три фактора, обеспечивающие ему превосходство над Москвой: наличие океанского флота, системы баз в Евразии (при отсутствии советских баз в Западном полушарии) и двух ядерных союзников – Британии и Франции. Психологические ресурсы СССР также были ограничены: у советского народа не было ненависти к американцам и культа милитаризма, как это было, например, в Пруссии: напротив, преобладали шок от потерь в Великой Отечественной войне и порожденное им стремление к миру. Эти факторы обрекали советское руководство на поиск асимметричной стратегии как эффективного ответа на объективное американское преобладание.

Принимая за данность отставание от США и Британии в области стратегической авиации, советское руководство нашло асимметричный ответ: развитие систем противовоздушной обороны (ПВО) [18]. За основу создающейся советской системы ПВО был взят немецкий опыт. Пункт 5 “Постановления Совета Министров СССР № 1017-419 о развитии ракетного вооружения” от 13 мая 1946 г. гласил: «Определить как первоочередную задачу воспроизведение с применением отечественных материалов ракет типа “Фау-2” (дальние управляемые ракеты) и “Вассерфаль” (зенитная управляемая ракета)»⁴. В итоге зенитные управляемые ракеты (ЗУР) “Вассерфаль” и “Шметтерлинг” в СССР начали воссоздавать (они получили индексы Р-101 и Р-102), а в отношении “Рейнтохтер” ограничились изучением конструкции [19].

Вызовом для СССР стали начавшиеся в 1956 г. разведывательные полеты американской авиации над советской территорией. Зенитно-ракетный комплекс (ЗРК) С-75 позволил 1 мая 1960 г. сбить американский самолет разведчик U-2 “Lokheed”. Советские ПВО доказали свою эффективность в ходе локальных конфликтов холодной войны, у каждого из которых был свой символ: во Вьетнаме – С-75, в “войне на истощение” на Ближнем Востоке в 1969–1970 гг. – С-125, в Войне Судного дня 1973 г. – “Квадрат” (экспортная модификация ЗРК “Куб”), в Афганистане – переносной ЗРК “Стингер”.

Во второй половине 1950-х годов СССР делает ставку на баллистические ракеты как основной носитель ЯО. Это было связано с радикальным отставанием от США в области стратегической авиации и неспособностью гарантированно поразить американскую территорию с помощью авиационных носителей. К началу 1960-х годов в работах маршалов Советского Союза Р.Я. Малиновского и С.Н. Бирюзова был обоснован тезис о решающей роли ракетно-ядерного оружия в будущей войне. Создание Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) в 1959 г. виделось им как средство уравнивания стратегических возможностей СССР и США. Еще на XXI съезде КПСС (1961 г.) Р.Я. Малиновский, занимавший тогда пост министра обороны СССР, указал, что “традиционная неуязвимость Америки навсегда ликвидирована”. В работе “Бдительно стоять на страже мира” (1962 г.) маршал называл главным средством ведения войны нанесение стратегических ракетно-ядерных ударов по противнику и отмечал сохраняющуюся значимость “массовых, многомиллионных армий” [20]. Маршал

⁴ Подробнее см.: *Задача особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 гг.). Сборник документов.* Москва, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 1207 с.

С.Н. Бирюзов, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР в 1963–1964 гг., указывал на перспективность строительства межконтинентальных баллистических ракет по сравнению с американской стратегической авиацией. “Все увидели, — писал он в 1964 г., — что подлинный ключ к победе на поле сражений находится в руках того, кто не только владеет новым оружием, но и идет впереди в производстве ракет” [21, с. 18].

Американские эксперты традиционно считают вариантом советской асимметричной стратегии Карибский кризис 1962 г., вызванный решением советского руководства разместить ракеты средней дальности на Кубе в ответ на размещение американских ракет аналогичного класса в Турции [2, pp. 3-4]. Кроме того, у СССР в 1962 г. было предельно малое количество МБР для уничтожения стратегического потенциала США и развертывание ракет вблизи территории Соединенных Штатов частично уравнивало силы. В действительности Карибский кризис был лишь частью более глубокого понимания асимметрии для советской стратегической мысли. Ракетное оружие выступало как средство относительно дешево купировать американское превосходство в тяжелых бомбардировщиках.

Проблема асимметрии вновь встала перед советской военной мыслью в 1980-х годах в связи с проработкой ответа на американскую программу “Стратегической оборонной инициативы” (СОИ). Тревогу советских экспертов (если принимать публикации 1980-х годов за реальность) вызывал тот факт, что администрация президента Рональда Рейгана в этой программе делала упор на “экзотические” средства поражения ракет и боеголовок: различные виды лазеров, пучковое оружие, электродинамические ускорители массы. Советская концепция асимметричного ответа предполагала повышение устойчивости стратегических ядерных сил по отношению к упреждающему удару противника, увеличение способности СЯС преодолевать противоракетную оборону (ПРО) и развивать средства ее поражения и нейтрализации, особенно ее космических компонентов. «Сущность “асимметричного ответа”, — отмечают российские военные эксперты, — сводилась прежде всего к тому, чтобы в самых тяжелых условиях, при развертывании США многоэшелонной противоракетной обороны обеспечить возможность советским ракетно-ядерным средствам нанести “неприемлемый” ущерб агрессору, тем самым убедив его отказаться от упреждающего (превентивного) удара» [22, сс. 9-10].

После распада СССР российское руководство приняло важный компонент американской асимметричной стратегии – концепцию “заданного ущерба”. Ее появление относится еще к периоду второй половины 1980-х годов [23], что само по себе свидетельствует о косвенном принятии советским руководством концепции ограниченной ядерной войны: если война прекратится после нанесения противнику “заданного ущерба” с помощью ядерного оружия, то она носит ограниченный характер. Закреплением этой позиции стала утвержденная 21 апреля 2000 г. Военная доктрина **Российской Федерации**. Она допускала возможность применения ЯО для отражения агрессии с использованием как ядерных, так и обычных вооружений⁵. В документе подтверждалась необходимость обладания ядерным потенциалом сдерживания, “гарантирующим нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях”. “Российская Федерация, — отмечалось в нем, — оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в ответ на широкомасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических ситуациях для национальной безопасности Российской Федерации”.

Другой находкой российской асимметричности стало развитие систем противовоздушной обороны. Кризис советской системы ПВО обозначился после ее разгрома Израилем в долине Бекаа 9–11 июня 1982 г. Перспективными здесь оказались принятые еще в СССР проекты создания трех комплексов (С-300П, С-300В и С-300Ф). 28 апреля 2007 г. на вооружение был принят комплекс ПВО С-400 “Триумф”, в 2022 г. ожидается постановка на вооружение комплекса С-500. Возросшая мощь российских систем ПВО привела к появлению в США в 2014 г. “Третьей стратегии

⁵ Военная доктрина Российской Федерации. 21 апреля 2000. *Независимая газета*, 22.04.2000.

компенсации” (*Third Offset Strategy*), призванной нейтрализовать растущее российское превосходство в области систем ПВО путем создания “запретных зон” для полетов американской авиации. Правда, пока новейшие российские комплексы ПВО еще не были опробованы в боевой обстановке, и вопрос об их способности отразить массированный удар крылатых ракет или беспилотных летательных аппаратов остается дискуссионным.

ФРАНЦУЗСКИЙ И КИТАЙСКИЙ ВАРИАНТЫ АСИММЕТРИИ

Классический вариант теории асимметричного сдерживания создала **Франция** – страна, обладающая относительно небольшим ядерным потенциалом и не имеющая полноценных межконтинентальных средств доставки ЯО. Основы этой теории разрабатывались в период президентства Шарля де Голля (1958–1969) специалистами в сфере ядерного оружия и ядерного сдерживания генералами Пьером-Мари Галлуа и Люсьеном Пуарье [24; 25]. Французская концепция сдерживания строилась на идее, что более слабое в военном отношении государство может сдерживать сильное государство от агрессии посредством угрозы нанесения контрценностного удара и включала в себя три компонента:

- сдерживание (фр. *dissuasion*): воздействие на волю противника угрозой нанесения контрценностного ядерного удара с целью вынуждения его отказаться от агрессии;
- убеждение (фр. *persuasion*): проведение силовых демонстраций, цель которых состоит в разубеждении агрессора начинать войну;
- оборона (фр. *défence*): прямое применение военной силы в случае, если стратегия сдерживания не сработала и приходится применять силу.

Первоначально такая стратегия носила антисоветский характер. Но в 1964 г. президент де Голль провозгласил переход к концепции независимого военного потенциала. Париж отказался участвовать в американском проекте многосторонних ядерных сил НАТО (1962) и вышел из военной организации НАТО (1966). В 1967 г. начальник главного штаба Вооруженных сил Франции генерал Шарль Айере заявил, что отныне Франция намерена осуществлять оборону “по всем азимутам”. В Вашингтоне и Лондоне опасались, что часть французских ядерных сил нацелена на американские и британские объекты. “Сдерживание неизвестностью” становилось, таким образом, частью французской ядерной стратегии.

Французская “Белая книга по вопросам обороны” 2008 г. в модифицированной форме сохранила эти положения времен холодной войны. Понятие “сдерживание” (фр. *dissuasion*) было заменено на “предвосхищение и осведомленность” (фр. *l’anticipation et conscience*), подчеркивающую значимость разведывательных служб и информационно-космических систем. К стратегии сдерживания добавлялся четвертый компонент — “вмешательство и предупреждение” (фр. *l’intervention et prévention*). Речь шла о возможности применять силу на территориях, входящих в зону стратегических интересов Парижа: Средиземноморье, Африка, Индийский океан.

В отличие от других легальных ядерных держав **Китай** не определял свою ядерную политику в категориях сдерживания. После создания ядерного оружия в 1964 г. правительство Мао Цзэдуна взяло на себя два ограничения: не применять ЯО первой, а также против неядерных государств. Концептуальные основы китайской ядерной доктрины стали известны только в 1980-х годах. Первая, концепция локальных войн, не предполагала использования ЯО. Вторая, концепция ограниченного ответного ядерного удара, предусматривала строительство компактных ядерных сил, способных выполнять боевые задачи в разной военно-политической обстановке и в любых военно-стратегических условиях. Это означало отказ руководства КНР от идеи достижения паритета с СССР (Россией) и США. Данные о китайской ядерной стратегии нередко базируются на сомнительных утечках информации [26] и реконструкциях американских экспертов, которые чаще всего некритически проецируют на ядерную политику КНР “теорию эскалации” Германа Кана [27].

Новые тенденции появились в ядерной политике КНР в начале XXI в. В 2004 г. генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао указывал на увеличение роли КНР в системе международной безопасности. В “Белой книге” 2008 г. подчеркивалась важность создания мирного окружения для укрепления экономического потенциала КНР⁶. Есть данные о разработке в Китае концепции активной обороны, предполагающей проведение полномасштабной ответной атаки против агрессора и нанесение ударов по его уязвимым местам, например, военным базам США на Тихом океане [28]. Однако руководство КНР не огласило нового подхода к функциональной роли ЯО в своей военно-политической стратегии.

Препятствием развитию ядерной политики КНР можно считать недостаточный уровень развития в Китае (как и во всех странах АТР) фундаментальных наук. Ни одна из зарубежных стран АТР не обладает полным спектром исследований в области естественных и точных наук. В этих государствах не ведутся теоретические разработки по данным проблемам. Отсутствуют национальные научные школы в области фундаментальных наук. Государства АТР вынуждены импортировать космические технологии (преимущественно российские и французские), что ставит их в зависимость от других держав. Пекин с конца 1980-х годов ориентируется на систему “ракетного импорта”, а не на создание национальных ракетостроительных комплексов. КНР развивает отдельные сегменты ракетостроительной и космической промышленности. Отсюда высокая уязвимость китайской ядерной программы перед возможным сокращением импорта российских ракетно-космических технологий.

Данные тенденции препятствуют выходу ядерного потенциала КНР на качественно новый уровень развития [29]. Китайский потенциал по-прежнему остается технически немногочисленным и высоко уязвимым для контрсилового удара со стороны СЯС ведущих ядерных держав. В такой ситуации в Пекине делают, по-видимому, ставку на первый, а не ответный или ответно-встречный ядерный удар. Поэтому китайской ядерной политике присущ известный компонент асимметричности: стремление сдерживать США самим фактом неопределенности своего ядерного потенциала.

АСИММЕТРИЧНОСТЬ РЕВИЗИОНИСТОВ

Несмотря на многовариативность, все концепции асимметричности ядерного сдерживания по-прежнему остаются “стратегическими черновиками”⁷. Полноценной и проработанной теории асимметричного сдерживания пока не создано. Такая ситуация неслучайна: современная теория ЯС создавалась в расчете на страны, которые видят в ядерном оружии средство сдерживания и отвергают (хотя бы на уровне политических деклараций) войну как средство ликвидации действующего мирового порядка. Кардинального ее изменения можно ожидать только в случае изменения самого качества существующих политических режимов: лишь тогда концепция асимметричного сдерживания может быть востребована в новом качестве.

Теория международных отношений выделяет два типа государств по отношению к существующему в данный период времени мировому порядку: статус-кво и ревизионистские. Первые принимают действующий мировой порядок, хотя и допускают его локальные изменения, в том числе с помощью ограниченных войн. Конфликты между государствами статус-кво не носят, как правило, масштабный характер и не приводят к распаду существующего мирового порядка – как это случилось, например, по результатам Крымской (1853–1856) или Афганской (1979–1989) войн.

Вторые – государства, постулирующие необходимость тотальной ревизии действующего миропорядка и изменение его основополагающих норм. Элита державы-

⁶ Белая книга “Национальная оборона КНР – 2008”. Available at: <http://russian.people.com.cn/31857/96323/index.html> (accessed 15.06.2021).

⁷ Тезисы этого раздела были изложены автором в статье: Фененко А.В. *Эффективно ли ядерное сдерживание?* Российский совет по международным делам. 26.04.2019. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/effektivno-li-yadernoe-sderzhivanie/> (accessed 30.06.2021).

ревизиониста отвергает существующий уклад как таковой и связывает позитивные для себя перемены с его уничтожением и формированием иной правовой системы, созданной "под себя". Позиция подобной элиты сводится к тому, что право, которое менялось много раз в истории, можно поменять еще раз. Элита государства-ревизиониста считает бессмысленными понятия "международная стабильность", "угроза международной безопасности": в ее понимании угроза – это сам существующий мировой порядок.

В период биполярной конфронтации СССР и США выступали державами статус-кво. Они сыграли ведущую роль в создании Ялтинско-Потсдамского порядка в ходе Второй мировой войны и заняли в нем привилегированное место в рамках Совета Безопасности ООН. Первые 10 лет так называемой холодной войны Кремль и Белый дом, невзирая на конфронтационную риторику, решали общие фундаментальные задачи: решение немецкого и японского вопросов через изменение качества этих государств, а затем ликвидация Британской и Французской империй. Холодная война как биполярная система с наличием двух блоков и двух сверхдержав началась только после окончания Суэцкого кризиса 1956 г., когда Соединенное Королевство и Франция окончательно перестали быть мировыми державами, перейдя в разряд европейских союзников США.

Однако и в дальнейшем элиты обеих сверхдержав демонстрировали, что не намерены подвергать ревизии Ялтинско-Потсдамский порядок. Ни один из многочисленных кризисов холодной войны не завершился его распадом. Можно бесконечно спорить о том, стояли ли СССР и США на грани войны во втором Берлинском (1961), Карибском (1962) или "ракетном" (1983) кризисах, но нельзя не заметить, что ни советское, ни американское руководство ни разу не поставило вопрос о разрыве дипломатических отношений друг с другом, изменении состава Совета безопасности ООН или, тем более, ликвидации Организации Объединенных Наций. Ни один советский или американский лидер не предложил своей стране выйти из ООН и создать, например, "Четвертый интернационал" или "Организацию демократических стран". (Для сравнения: Япония и Германия покинули Лигу наций в 1933 г.). Биполярная конфронтация продолжалась, но Совбез ООН сохранял статус основного руководящего органа мировой политики.

О нежелании советского и американского руководства начинать войну свидетельствует создание ими разнообразных режимов контроля над вооружениями, прежде подписание пакета соглашений по ОСВ/СНВ. Они свидетельствовали о готовности руководства СССР и США доверять друг другу. Если бы Кремль и Белый дом хотели конфликта (предположим, даже неядерного и одного из ТВД), они действовали бы прямо противоположно.

В такой ситуации стороны продолжали опираться на систему "оборонительного сдерживания". (В отношении СССР этот термин условен, поскольку на официальном уровне советское руководство отрицало концепцию ядерного сдерживания: речь, скорее, шла о военно-стратегической практике нацеливания стратегического ядерного оружия на военный потенциал США). Эта система базировалась на идее удержать оппонента от совершения каких-либо неблагоприятных действий. Такой вариант сдерживания предполагает: 1) создание СЯС для максимизации вероятного ущерба противнику и 2) высокую степень защищенности собственного потенциала СЯС, чтобы он был способен пережить первый удар. Переход через ядерный порог оставался психологически трудным: легитимность применения ядерного оружия в целях обороны могла быть оправдана при наличии свершившегося факта или высокой практической вероятности агрессии. Поэтому мощные советские и американские СЯС продолжали быть востребованными исключительно на эвентуальном уровне: они оставались имманентной угрозой противнику, которая никогда не была реализована на практике.

Но уже в 1980-х годах стал ощутим кризис оборонительного сдерживания, проявившийся в серии конфликтов средней степени интенсивности без применения ядерного оружия и обсуждении теории "ядерной зимы", которая рождала сомнения в готовности сторон пойти на масштабное использование ЯО. Новое качество политика ядерного сдерживания приобрела после распада социалистического блока и СССР в 1991 г. Великие державы еще сохраняют ключевые институты Ялтинско-Потсдамского

порядка, прежде всего, ООН и международные экономические структуры. Но каждая из сверхдержав все больше склоняется к его реформированию. Правила межгосударственного взаимодействия, выработанные державами-победительницами в 1943–1944 гг., постепенно устаревают, что увеличивает потенциал международной конфликтности и создает условия для появления новой, “наступательной” концепции ядерного сдерживания.

Соединенные Штаты последовательно пытались реализовывать провозглашенный в 1990 г. курс на построение нового мирового порядка. Этот проект, получивший в научной литературе наименование “либерального” или “однополярного” (в зависимости от политических взглядов исследователей), основывался на трех компонентах. Во-первых, такой порядок был запланирован как глобальный: в случае успеха этого проекта мир превратился бы в политически однородное пространство, функционирующее на основе набора универсальных норм. (Оценивать ли их позитивно или негативно – другой вопрос). Во-вторых, однополярный порядок планировался как иерархичный: во главе должен был встать один лидер, за ним следует группа ближайших союзников, далее – остальные страны и, наконец, “государства-изгои”. В-третьих, однополярный порядок объективно предполагал ликвидацию альтернативных США силовых потенциалов: прежде всего, российского, а за ним и китайского по образцу немецкого и японского после Второй мировой войны.

Для построения такого порядка традиционная модель оборонительного сдерживания не подходила: на смену ей должно было прийти сдерживание “наступательное”. Американские исследователи использовали для его обозначения термин “принуждение” (*compellence*): принуждать оппонента к совершению каких-то действий, которые он по собственной воле не стал бы совершать [30, р. 2]. Такая модель сдерживания требует иного материально-технического обеспечения, чем сдерживание оборонительное. Ему нужны не мощные и количественно крупные арсеналы стратегических ядерных сил, а системы, приспособленные для нанесения превентивного удара. Такие системы требуют:

- наличия высокой степени защищенности собственных СЯС от вероятного им противодействия;
- достижения высокой избирательности своих систем вооружений для получения желаемого военного, психологического, политического эффекта;
- сочетания ядерных средств принуждения с конвенциональными.

Идеальным решением могла бы стать трансформация некоторой части ядерного оружия в боевое оружие, например, создание сверхмалого ЯО и развертывание систем ПРО. Легитимность применения ЯО определяется в этом случае не агрессией, а характером выбранного лидером объекта и целей для его применения. Такой вариант гипотетически потребовал бы апробации его части в региональном конфликте, для получения эмпирических данных, необходимых для выработки полноценной ядерной стратегии.

Далее следует группа государств, потенциально недовольных своей ролью в современном мировом порядке. Латентными ревизионистами остаются Германия и Япония: страны с ограниченным суверенитетом, но воссоздавшие свои военно-технические потенциалы, которые позволяют им в короткое время создать мощные вооруженные силы, включая получение доступа к ядерному оружию. При этом политически “скользкой” остается тема подписания с ними мирного договора. С Японией существует только Сан-Францисский мирный договор 1951 г., имеющий статус частичного: он подписан лишь тремя державами-победительницами (США, Британия и Франция) и не подписан двумя (Россия и КНР). С Германией полноценный мирный договор не подписан до настоящего времени: Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии (Московский договор) 1990 г. сохранил серию ограничений немецкого суверенитета – запрет на проведение референдумов по военно-политическим проблемам, запрещение требовать вывода иностранных войск со своей территории и ограничения на развитие Бундесвера. Между тем в международном праве неподписание мирного договора означает незакрытие споров и проблем,

унаследованных от предыдущей войны.

Такая ситуация удивительно напоминает середину XIX в. После Венского конгресса 1815 г., основополагающего для Венского порядка, Германский союз во главе с Австрией (а негласно и Россией) блокировал активности Пруссии и мелких германских государств. Япония начала свой подъем в эпоху Мейдзи также в условиях ограничения своего суверенитета со стороны США посредством Канагавского договора 1854 г. (От этих ограничений Япония смогла избавиться только в 1911 г., то есть они сохранялись даже в периоды победоносных для нее Японо-китайской и Русско-японской войн). Европейским политикам 1840-х годов сценарий превращения Пруссии и Японии в великие державы, способные бросить вызов всему Венскому порядку, казался столь же невероятным, как и в современном – сценарий повторного усиления этих государств. Между тем сбрасывать такой сценарий со счетов не стоит в контексте исторического опыта позапрошлого века.

Другой группой латентных ревизионистов выступают региональные державы, стремящиеся прорваться в избранный клуб постоянных членов Совбеза ООН. Индия стремится получить через этот шаг легализацию своего ядерного статуса, Бразилия, возможно, легитимировать свои ядерные исследования. О расширении своего системного статуса в мировой политике мечтают Турция и Иран. Неясна политика Британии после ее выхода из ЕС в 2020 г.: она вполне может попытаться организовать собственный интеграционный блок на базе бывшей Британской империи. В настоящее время тяжело найти влиятельную державу, которую устраивала бы полностью нынешняя версия Ялтинского порядка, что делает его перспективы расплывчатыми. Надеяться на экономическую взаимозависимость при этом вряд ли стоит: большую часть XIX в. мир был единой хозяйственной системой, основанной на свободе торговли и британском фунте как основном расчетном средстве, что не стало препятствием для его распада в 1914 г.

В таком мире появление ревизионистских держав становится более реалистичным, чем это было в ходе биполярной конфронтации. Представить себе детальный сценарий появления режима-ревизиониста в настоящее время сложно, но можно выделить основные его характеристики.

Первый: ревизионистская держава должна иметь военно-промышленный потенциал, достаточный для борьбы за пересмотр существующего мирового порядка. Потенциальные ревизионисты – КНДР и Иран или, тем более, радикальные мусульманские группировки – пока не имеют в своем распоряжении соответствующих ресурсов, какие имели Франция в конце XVIII в., Германия и Япония в первой половине XX в. Интересен в этом отношении пример КНР, которая в 1960-х годах балансировала на грани превращения в державу-ревизиониста с радикально левой идеологией, но затем отказалась от этой роли через экономическое и военно-политическое сближение с США.

Второй: ревизионистская держава должна быть “нацией войны” в полном смысле этого слова. Народ такой страны должен принять мировоззрение (не идеологию, а именно мировоззрение⁸), что война – это норма, а не аномалия, равно как состояние конфронтации к другим нациям – естественная часть бытия. К такому народу неприменима политика “мягкой силы”: он смотрит на другие этносы с изначальным ощущением собственного превосходства и презирает страны, готовые встроиться в сложившийся мировой порядок не на первых ролях.

Третий: во главе державы-ревизиониста должен стоять харизматичный лидер, готовый повести свой народ к войне за передел мира. Такой тип, называемый в политической психологии “внесистемным харизматиком”, должен обладать качествами лидера при одновременном неприятии действующих правовых и поведенческих норм. При наличии первых двух условий его появление, впрочем, становится только вопросом времени.

⁸ В данном случае идеология выступала бы как набор официально постулируемых идей, а мировоззрение – как имманентно присущие данному обществу представления.

Ревизионистский режим отнюдь не тождественен тоталитарному, он может выступать и демократией. Франция якобинцев и Директории была намного демократичнее абсолютных монархий Европы, императорская Япония – авторитарным, а нацистская Германия – тоталитарным государством. Сталинский СССР, называемый на Западе тоталитарным, с начала 1930-х годов отверг раннесоветский ревизионизм, взяв курс на максимальное участие в мировом порядке: сначала в Версальско-Вашингтонском (через механизм Лиги наций и идеологию коллективной безопасности), затем в Ялтинско-Потсдамском (через его создание с другими державами-победительницами). В наши дни среди политологов популярна теория демократического мира, согласно которой демократии не воюют друг с другом. Однако всего сто лет назад такой же популярностью пользовался тезис о том, что чем более демократичен политический режим, тем более он агрессивен.

В мире после Второй мировой войны пока не было глобальных ревизионистов, нацеленных на тотальный слом мирового порядка. Однако столь долгий срок их отсутствия не уникален: в Вестфальском порядке их не было 150 лет (до начала Великой Французской революции в 1789 г.), в Венском порядке – 73 года (до воцарения в Германии императора Вильгельма II в 1888 г.). Обычно ревизионисты появляются под конец существования мирового порядка. Возможно, американский международник Линн Миллер был прав: подобные режимы возникают с периодичностью раз в 100–150 лет [31], но пока его тезис остается гипотезой.

Появление ревизионистов трудно спрогнозировать: для современников они возникают словно из ниоткуда, а предпосылки к их появлению распознаются уже задним числом. В середине XVIII в. мало кто мог представить, что королевская Франция, гарант Вестфальского порядка, установит революционной внесистемный режим и начнет новую тридцатилетнюю войну с остальной Европой. В 1885 г. вряд ли кто-то мог предположить, что консервативная аристократическая Германия менее чем через полвека мутирует в Третий рейх. Изолированная Япония 1830-х годов была далека от того глобального ревизиониста, каким она стала 100 лет спустя, угрожая жизненным интересам других держав, включая США и Британию. Привычный нам Ялтинско-Потсдамский порядок, вероятно, также породит режимы-ревизионисты ближе к концу своего существования, как и все предыдущие мировые порядки. Возможно, это произойдет по одному из четырех сценариев:

- французский: держава, претендующая на гегемонию, не может ее установить через локальные конфликты и идет на слом мирового порядка;
- немецкий: “обиженная” великая держава, обладающая мощным военным потенциалом, бросает вызов всему мировому порядку;
- итальянский: региональная и не очень сильная держава пытается перейти к экспансии;
- японский: незначительная прежде держава создает крупный военный потенциал и требует ревизии сложившихся правил игры.

Возникновение подобных ревизионистских режимов делает будущие модели ядерного сдерживания мало предсказуемыми. Исторические примеры позволяют предположить, что ревизионистские режимы зачастую согласны на высокую цену за реализацию своих целей. В рамках нашей рационализации конфликтов трудно представить себе вариант, когда ревизионистский режим не поверит в готовность другой стороны реализовать свою ядерную угрозу или будет использовать оборонительное сдерживание как зонтик для защиты своей территории и вести экспансию за ее пределы. Трюизм о том, что “ядерное оружие неприменимо нигде и никогда”, можно прочитать иначе: а что помешает тогда великим державам вести войны на основе конвенциональных вооружений?

Большинство военных конфликтов в истории были войнами великих держав на территории третьих стран. В новейшей истории на основной территории великих держав шли разве что наполеоновские и Вторая мировая. Даже Первая мировая война велась преимущественно в пограничных регионах, и страны-участницы жили практически в режиме мирного времени – возможно, поэтому она не запечатлелась в нашей памяти.

Применят ли великие державы ЯО в случае войны на территории третьей страны – вопрос открытый: опыт Второй мировой войны, где ни одна из воюющих держав не пошла на применение химического оружия, продемонстрировал, что необязательно. Впрочем, отечественный политолог В.Л. Цымбурский допускал и вариант войн с ограниченным использованием ЯО типа итальянских (1494–1559) или Тридцатилетней, с относительной редкостью прямых тактических (в том числе, по новым условиям, и ядерно-тактических) столкновений, но при стремлении осуществить большие геополитические проекты методами “измора”⁹. Хотя все пока находится за пределами нашей рационализации будущего, исключать варианты локального применения или вынесения за скобки оружия массового поражения в свет опыта мировых войны прошлого века невозможно.

Новейшая история знает примеры, когда неядерные государства нападали на ядерные. Вьетнам создал ядерному КНР *casus belli*, свергнув с помощью военной операции режим Пол Пота в Камбодже в начале 1979 г. Последовавшая затем короткая китайско-вьетнамская война 1979 г. завершилась убедительной победой Вьетнама. Неядерная Аргентина инициировала Фолклендскую войну 1982 г. с ядерной Британией. Неядерная Грузия не побоялась в 2008 г. напасть на российских миротворцев в Южной Осетии, а грузинский парламент даже принял решение об объявлении войны ядерной России. Можно возразить, что эти войны носили локальный, а не глобальный, характер, однако таковыми были большинство войн в истории. Вполне возможно, что ядерная эпоха вовсе не отменяет формулу К. фон Клаузевица о том, что “война есть продолжение политики другими средствами”, а по-своему возвращает нас в мир ограниченных войн прошлого.

Наиболее опасным вариантом ревизиониста может стать держава, выступающая как переродившийся лидер мирового сообщества. Подобная роль может побудить ее выдвигать ультиматумы другим странам от имени “цивилизованного мира”: от требований территориальных уступок и установления контроля над полезными ископаемыми до принудительного разоружения. В такой ситуации напоминание о наличии у страны-жертвы ядерного оружия может поставить ее правительство в категорию “изгоев” – с перспективой полной экономической изоляции. Не исключено и проведение против такой страны локальных военных операций с целью принуждения ее к принятию условий “мирового сообщества”. Решение применить ЯО, как отметил российский политолог А.Г. Савельев, может привести к квалификации ее руководства как “международных преступников” с соответствующими последствиями¹⁰.

Интересным сценарием может стать трансформация части ЯО в новое оружие. Исследования в области сверхмалого ЯО, судя по информации в СМИ, то затухают, то возникают вновь. В балканских войнах 1990-х годов мы видели использование НАТО боезарядов с обедненным ураном. Не являясь в полной мере ядерными, они тем не менее дали эффекты в виде распространения лейкемии. Приведет ли использование сверхмалого ядерного оружия (или иного “пограничного типа вооружений”) к ответному применению стратегических ядерных силы — вопрос спорный: опыта сосуществования с державами-ревизионистами у нас пока нет.

Новый “ядерный дискурс” не обязательно наступит по итогам новой тотальной войны. Он может сформироваться, например, в результате регионального конфликта. Нечто подобное произошло в конце XVIII в., когда мобилизации армий Джорджа Вашингтона в Северной Америке стали прологом для перехода Европы на ведение войн массовыми армиями: возвращению на новом витке к военному искусству, предшествующем Тридцатилетней войне. Не исключен и вариант появления сначала новой военной теории, которая будет подхвачена и растиражирована военачальниками, как это произошло с работами Клаузевица в рамках Венского порядка. Особую роль здесь может сыграть девальвация “воздушной мощи” в результате развития систем ПВО и ПРО или иных военно-технических новшеств. Новая стратегия может сформироваться

9 См.: Цымбурский В.Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политика. *Полус*, 1996, № 3, сс. 27-55. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=5078014> (accessed 09.05.2021).

¹⁰ Савельев А.Г. Ядерной войны не будет. *Коммерсантъ*, 23.06.2015. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2753357> (accessed 09.05.2021).

как результат появления новых технических средств, что позволит воплотить идею американских экспертов 1980-х годов: сочетать действия массовых армий и локальное применения ядерного оружия.

* * *

В настоящее время нет полноценной асимметричной стратегии ядерного сдерживания по двум причинам. Во-первых, отсутствуют державы-ревизионисты, нацеленные на срыв мирового порядка. Во-вторых, концепции ядерных держав пока ориентированы на модель оборонительного сдерживания. Модель наступательного сдерживания находится в процессе становления. Однако в современном мире продолжается переход от относительно простых схем ядерного сдерживания в условиях биполярной конфронтации к более сложным, где центр смешается со сдерживания на принуждение. Как могут использовать будущие державы-ревизионисты политику принуждения – вопрос, пока находящийся вне рамок нашей рационализации. Хотя именно стратегии потенциальных держав-ревизионистов могут создать полноценную “асимметричную модель” ядерного воздействия. В конце концов, именно державы-ревизионисты, а не новое оружие, подорвали все предшествующие нашему мировые порядки.

Перед Россией возникают два пути. Первый – смещение ядерной угрозы на региональный уровень, что потребует модернизации тактического ядерного оружия и доктринальных положений его применения. Второе – создание мощных конвенциональных вооружений с возможностью вести боевые действия за пределами страны. То и другое будет означать уже не классическую оборону, а принуждение противника к неким действиям, которых он не хотел бы совершать. Здесь для России могут оказаться востребованными многие компоненты концепции асимметрии, которые пока находятся в стадии становления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ludvik J. *Nuclear Asymmetry and Deterrence: Theory, Policy and History*. London, Routledge, 2016. 196 p.
2. Toton E.T., Scouras J. *Nuclear Deterrence as Complex System*. Johns Hopkins University Applied Physics Laboratory, 2019. Available at: <https://www.jhuapl.edu/Content/documents/DeterrenceComplexSystem.pdf> (accessed 25.05.2021).
3. Кокошин А.А. “Асимметричный ответ” vs. “Стратегической оборонной инициативы”. *Международная жизнь*, 2007, № 7-8, сс. 29-42. [Kokoshin A.A. “Asymmetric Response” vs. “Strategic Defense Initiative”. *International Affairs*, 2007, no. 7-8, pp. 29-42. (In Russ.)]
4. Фененко А.В. Современные концепции ядерного сдерживания. *Международные процессы*, 2012, т. 10, № 2, сс. 68-87. [Fenenko A.V. Modern Concepts of Nuclear Deterrence. *International Trends*, 2012, vol. 10, no. 2, pp. 68-87. (In Russ.)]
5. Арбатов А.Г. Ядерное сдерживание и распространение: диалектика “оружия судного дня”. *Мировая экономика и международные отношения*, 2005, № 1, сс. 3-15. [Arbatov A.G. Nuclear Deterrence and Proliferation: the Dialectic of «Doomsday Weapons». *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2005, no. 1, pp. 3-15. (In Russ.)]
6. Косолапов Н.А. *Ядерное сдерживание в постбиполярном мире*. 07.04.2009. [Kosolapov N.A. *Nuclear Deterrence in a Post-Bipolar World*. 07.04.2009. (In Russ.)] Available at: <https://rodon.org/polit-090407122456> (accessed 25.05.2021).
7. Бержье Ж., Повель Л. *Утро магов*. Москва, Миф, 1991. 80 с. [Bergier J., Pauwels L. *Morning of the Magicians*. Moscow, Mif, 1991. 80 p. (In Russ.)]
8. Altman D. Advancing Without Attacking: The Strategic Game Around the Use of Force. *Security Studies*, 2018, vol. 27, no. 1, pp. 58-88.
9. Фененко А.В. Долгий мир и ядерное оружие. *Россия в глобальной политике*, 2018, № 6, сс. 99-123. [Fenenko A.V. The Long Peace and Nuclear Weapons. *Russia in Global Affairs*, 2018, no. 6, pp. 99-123. (In Russ.)]
10. Morgenthau H. The Four Paradoxes of Nuclear Strategy. *The American Political Science Review*, 1964, vol. 58, no. 1, pp. 23-35.
11. Waltz K. *Theory of International Politics*. New York, McGraw Hill, 1979. 231 p.
12. Morgan P. *Deterrence Now*. New York, Cambridge University Press, 2003. 331 p.
13. George A., Smoke R. *Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice*. New York, Columbia University Press, 1974. 666 p.
14. Трухановский В.Г. *Английское ядерное оружие (историко-политический аспект)*. Москва, Международные отношения, 1985. 230 с. [Trukhanovskii V.G. *British Nuclear Weapons. Historical and Political Aspect*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1985. 230 p. (In Russ.)]

15. Кокошин А.А., Бартнев В.И., Веселов В.А. Подготовка революции в военном деле в условиях бюджетных ограничений: новые инициативы Министерства обороны США. *США – Канада: экономика, политика, культура*, 2015, № 11, сс. 3-22. [Kokoshin A.A., Bartenev V.I., Veselov V.A. Preparing a Revolution in Military Affairs under Budget Constraints: New Initiatives of the US Department of Defense. *SShA – Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2015, no. 11, pp. 3-22. (In Russ.)]
16. Freedman L., ed. *Strategic Coercion: Concepts and Cases*. New York, Oxford University Press, 1998. 400 p.
17. Sagan S.D. Nuclear Alerts and Crisis Management. *International Security*, 1985, vol. 9, no. 4, pp. 99-139.
18. Веселов В.А., Фененко А.В. Противовоздушная мощь в мировой политике. *Международные процессы*, 2019, т. 17, № 2(57), сс. 19-42. [Veselov V.A., Fenenko A.V. Air Defense Power in World Politics. *International Trends*, 2019, vol. 17, no. 2 (57), pp. 19-42. (In Russ.)] DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.2
19. Евтифьев М.Д. *Из истории создания зенитно-ракетного щита России*. Москва, Вузовская книга, 2000. 239 с. [Evtif'ev M.D. *From the History of the Creation of the Anti-aircraft Missile Shield of Russia*. Moscow, Vuzovskaya kniga, 2000. 239 p. (In Russ.)]
20. Малиновский Р.Я. *Бдительно стоять на страже мира*. Москва, Воениздат, 1962. 70 с. [Malinovskii R.Ya. *Vigilantly Stand Guard over the World*. Moscow, Voenizdat, 1962. 70 p. (In Russ.)]
21. Бирюзов С. Новый этап в развитии Вооруженных сил и задачи обучения и воспитания войск. *Коммунист Вооруженных сил*, 1964, № 4, сс. 17-26. [Biryuzov S. A New Stage in the Development of the Armed Forces and the Tasks of Training and Educating Troops. *Kommunist Vooruzhennykh sil*, 1964, no. 4, pp. 17-26. (In Russ.)]
22. Ознобищев С.К., Потапов В.Я., Скоков В.В. *Как готовился "асимметричный ответ" на "Стратегическую оборонную инициативу" Р. Рейгана: Велихов, Кокошин и др.* Москва, ЛЕНАНД, 2008. 51 с. [Oznobishchev S.K., Potapov V.Ya., Skokov V.V. *How Was the "Asymmetric Response" to the "Strategic Defense Initiative" Prepared by R. Reagan: Velikhov, Kokoshin, etc.* Moscow, LENAND, 2008. 51 p. (In Russ.)]
23. Андреев В.Ф. Военно-стратегический паритет как фактор сдерживания. *Военная мысль*, 1989, № 2, сс. 45-54. [Andreev V.F. Military-Strategic Parity as a Deterrent Factor. *Voennaya mysl'*, 1989, no. 2, pp. 45-54. (In Russ.)]
24. Галлуа П. *Стратегия в ядерный век*. Москва, Воениздат, 1962. 206 с. [Gallua P. *Strategy in the Nuclear Age*. Moscow, Voenizdat, 1962. 206 p. (In Russ.)]
25. Poirier L. Essais de stratégie théorique. *Politique étrangère*, 1983, vol. 48, no. 1, pp. 181-185.
26. Веселов В.А., Лисс А.В. *Ядерное сдерживание*. Москва, МАКС Пресс, 2005. 245 с. [Veselov V.A., Liss A.V. *Nuclear Deterrence*. Moscow, MAKS Press, 2005. 245 p. (In Russ.)]
27. Мамонов М.В. Возможна ли война между Америкой и Китаем. *Международные процессы*, 2012, т. 10, № 2 (29), сс. 135-142. [Mamonov M.V. Is a War Between America and China Possible. *International Trends*, 2012, vol. 10, no. 2(29), pp. 135-142. (In Russ.)]
28. Fravel M.T. China's Search for Military Power. *The Washington Quarterly*, Summer 2008, pp. 125-141. Available at: <https://taylorfravel.com/documents/research/fravel.2008.TWQ.china.military.power.pdf> (accessed 25.05.2021).
29. Lewis J. The Ambiguous Arsenal. *Bulletin of Atomic Scientist*, 2005, vol. 61, no. 3, pp. 52-59.
30. George A.L., Hall D.K., Simons W.E. *The Limits of Coercive Diplomacy. Laos/ Cuba/ Vietnam*. Boston, Little, Brown and Company, 1971. 143 p.
31. Miller L. *Global Order. Values and Power in International Politics*. Boulder, London, Westview press, 1985. 226 p.

AN ASYMMETRIC MODEL OF NUCLEAR DETERRENCE

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2021, no. 3, pp. 13-29)

Received 01.07.2021.
Accepted 14.07.2021.

Alexey V. FENENKO (alfenenko@yandex.ru), ORCID: 0000-0003-0493-2596,
School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-52, Moscow,
119991, Russian Federation.

The article explores the concept of an asymmetric model of nuclear deterrence. The issue of asymmetric nuclear relations is one of the most productive in the theory of nuclear deterrence. By asymmetry we mean disparity in military power between the subjects of deterrence, when the weaker subject deters the stronger one. All of the official nuclear states have tried the components of such a policy, France and China exercising its fuller capacity.

In the bipolar period, nuclear deterrence was relatively simple. The two superpowers sought to deter the opponent from taking certain actions by means of a nuclear threat. However, in the early XXI century, traditional deterrence is replaced by a compellence (coercive) policy aimed

at forcing the opponent to commit certain actions that he would not commit otherwise. How the potential future revisionists can use coercion policy is an issue still beyond the scope of our rationalization. The author believes that they could indeed pursue such policy and could create a concept of asymmetric deterrence in three variants: 1) the use of nuclear weapons as a “guarantor” of their security in the course of expansion; 2) modernization of the “limited nuclear war” concept; 3) non-use of nuclear weapons alongside with the abandonment of the nuclear deterrence concept (modeled on the chemical weapons during World War II).

However, the theory of asymmetric nuclear deterrence is still being developed at present, and therefore has been applied mainly at the political level. We can identify two issues emerging within the theory, both of which are of practical significance: 1) the weaker agent can deter the stronger adversary despite the military disparity between them; 2) whether the stronger agent is able to ward from the weaker counterpart.

Looking back in history, we can observe, at least, four scenarios of the emergence of revisionist powers:

- the French scenario: when a state aiming at supremacy fails to achieve it through a number of local conflicts and instead attempts to gain global leadership;
- the German scenario: when a super state with great military power feels offended and struggles to assert its place in the sun, or rather in the world;
- the Italian scenario: when a regional state, which does not boast great military power, starts a territorial expansion;
- the Japanese scenario: when a previously small and, by default “insignificant” state, builds up its great military power and threatens the world with its revisionist policy.

It is not possible yet to predict the mechanism of nuclear deterrence in today’s world or foresee where we shall expect the emergence of revisionist states. However, what we do learn from history is that such revisionist powers will be eager to promote their ambitions at any cost. It is quite difficult to imagine now what will happen if a revisionist state does not believe in another country’s readiness to deliver a nuclear strike. Similarly, what will happen if such a revisionist regime uses a containment strategy for both its defense and territorial expansion?.

Keywords: nuclear deterrence, nuclear weapons, strategic stability, asymmetry, asymmetric deterrence, flexible response, USA, Russia, Britain, France, China.

About the author:

Alexey V. FENENKO, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Chair of International Security.

DOI: 10.20542/afij-2021-3-13-29